

Концепции суверенитета в странах Юго-Восточной Азии

Е.Г. Богданова

В статье анализируются точки зрения народов Юго-Восточной Азии на государственный суверенитет. В ней исследуются различные значения термина суверенитет, основанные на незападной политической философии, с тем, чтобы выработать универсальное понимание концепции суверенитета в век глобализации. Общий вывод заключается в том, что подходы к суверенитету незападных цивилизаций могут обогатить понимание этой концепции, скорректировать вестфальскую форму ее трактовки. Такого рода модернизация теории современного суверенитета способна облегчить человечеству нахождение путей решения тех глобальных проблем, перед которыми оно оказалось при переходе к новому цивилизационному этапу своего развития.

Суверенитет – центральная концепция в международных отношениях, международном праве, политической теории, политической философии и современной истории. Возникнув в Европе, она, вполне очевидно, не могла быть воспринятой в точности в других цивилизациях. Для разных народов это понятие означает разные вещи и неоднозначно в своем применении. Во второй половине XX в. число государств на Земле прирастало в основном за счет незападных цивилизаций. И если учесть, что число их возросло с 60 до почти 200, то становится понятно, что без учета цивилизационных различий в подходе к концепции суверенитета вряд ли возможно будет правильно спрогнозировать дальнейшее развитие международных отношений.

Современное мировое развитие демонстрирует, что влияние неевропейских цивилизаций на ммеждународные процессы продолжает расти. В современном мире «баланс влияния между цивилизациями смещается: влияние Запада снижается, растет военная и политическая мощь азиатских цивилизаций. Незападные цивилизации уверенно подтверждают в современном мире самобытность и ценность своих культур¹.

Сегодня невозможно отрицать мировое влияние Китая, его экономическую мощь, равно как и «вес» исламского мира, представленного, в первую очередь, странами Ближнего Восто-

ка, хотя и разными по уровню экономического развития, но объединенными таким мощным фактором, как активный ислам. Нельзя также не учитывать, что «демографический взрыв» в слаборазвитой части мира в известной степени дестабилизирует мировую ситуацию, особенно если иметь в виду, что угроза международной безопасности исходит именно с этого направления.

Регион Юго-Восточной Азии насчитывает 600 млн. человек и обладает совокупным ВВП в 1 трлн. долл. Страны, входящие в него и образовавшие АСЕАН, цивилизационно более или менее близки и проводят самостоятельную (в первую очередь от Китая) политику. Концептуализация суверенитета в ЮВА исторически противоречила пониманию его в западных странах, когда-то колонизовавших регион. Интеграция этих государств, справившись со всеми попытками вмешаться в их политику, насчитывает более 40 лет, так что опыт применения этими странами концепции суверенитета заслуживает самого тщательного рассмотрения.

Регион ЮВА отличается значительным разнообразием (географическим, религиозным, этническим) и характеризуется тесно переплетенными обязательствами этнической лояльности. Ф. Бродель даже выделял регион ЮВА в отдельную цивилизацию, сформировавшуюся в связи с тем, что исторически он расположен «вблизи

■ Международные отношения

двух людских океанов – Китая и Индии, влияние которых простирается далеко за пределы их географических пространств»².

Подход Броделя разделяют авторы появившейся в России работы «АСЕАН в начале XXI века», характеризующая мотивацию стран, входящих в объединение: «Они нуждаются в единой ЮВА не для того, чтобы создать «Соединенные Штаты ЮВА». Об этом и речи никогда не было. Но довольно высокая степень политической интеграции оказалась необходимой для более эффективной защиты своей национальной идентичности и ценностей в условиях глобализирующегося мира и на фоне неуклонного усиления комплексной мощи Китая и Индии в АТР»³. Справедливости ради следует также отметить, что С. Хантингтон относил регион к синской цивилизации. Такой же классификации придерживается и российский исследователь С.С. Сулакшин⁴.

Политические образования в ЮВА традиционно описывались термином «мандала». Полития региона не только не соответствовала китайским и европейским воззрениям на государство как территориальное образование с фиксированными границами и бюрократическим аппаратом, но развивалась в противоположном направлении: полития определялась своим центром, а не границами, и могла состоять из многочисленных подчиненных политий без их административного объединения или присоединения. Сферы влияния в пределах мандалы могли смещаться от одного центра к другому, и, таким образом, любое понятие о государственности представляло собой нечто расплывчатое. И если в религиозно-философском смысле мандала означает объединение с высшим духом и защиту от деструктивных сил, то в политическом смысле данное понятие означает вертикальное объединение монарха с божеством, а горизонтальное – с территорией, в которой взаимодействие происходит в форме вассальной зависимости. В доколониальной ЮВА мандала означала круг царств, среди которых правитель должен был выстраивать отношения с тем, чтобы обеспечить безопасность собственного царства. Именно из этой, возникшей в глубине веков, политической культуры и выработался «метод АСЕАН»: решать проблему путем переговоров, искать компромисс, не загонять противника в угол и давать ему возможность «сохранить лицо», метод, ставший «вкладом народов ЮВА в мировую политическую культуру международных отношений»⁵.

ЮВА – регион, отличающийся разнообразием – историческим, расовым, религиозным, культурным, политическим и экономическим, не совпадающим с национальными границами, поспешно проведенными колониальными державами в период деколонизации. Хотя это обстоятельство усложнило строительство наций-государств, поиски идентичности коренных народов, дискурс о государственном суве-

ренитете мог вполне опираться на марксистские концепции, которые рассматривали регион как «приманку для внешнего вмешательства и интриг, благодаря его природным богатствам, дисконирующим национализмам и нестабильным режимам»⁶.

Постколониальные международные отношения в ЮВА были основаны на принципе суверенитета (и входящем в него принципе невмешательства во внутренние дела), который всегда присутствовал в рассуждениях о модернизации, строительстве наций и т.д. Говоря об АСЕАН, М. Лейфер зафиксировал следующее наблюдение: «Не уменьшая значения обычного антикоммунизма и связанной с ним заботы о военном присутствии США среди членов-учредителей, АСЕАН был основан с целью выявить точку опоры для постконфликтного внутрирегионального воссоединения в рамках институционализированной структуры отношений. Эта структура должна была основываться, прежде всего, на уважении национального суверенитета...»⁷.

Период после окончания «холодной войны» протекал в ЮВА достаточно бурно. После азиатского финансового кризиса 1997-98 гг. в оценках направления, в котором развивался регион, появилась определенная осторожность, подпитываемая растущими масштабами терроризма и крупномасштабного гуманитарного кризиса в связи с распространением пандемий гриппа, землетрясений и цунами. Для многих подобные события свидетельствовали о сомнительном характере идеи развития сообщества и регионального сотрудничества, о котором заявляли лидеры АСЕАН, поскольку в реальности наблюдалось серьезное осложнение двусторонних отношений, усугублялись трудности, возникшие в связи с расширением организации, и общее ослабление единства между странами-членами⁸.

Другие, наоборот, утверждают, что в регионе происходят специфические институциональные изменения, которые отражают более широкие и долгосрочные геополитические и экономические изменения в мире⁹. Все чаще звучит мнение, что, хотя традиционно АСЕАН сопротивлялась любому вмешательству в дела своих членов, она теперь вынуждена приспосабливаться к меняющейся нормативной среде. Эти новые тенденции ставят под сомнение эффективность традиционных для региона государствоцентризма, приверженности принципу невмешательства, приоритета «мягкой силы» над лидерством и предпочтения «мягкого институционализма» формальному сотрудничеству.

Финансовый кризис выявил неготовность членов АСЕАН осуществлять раннее оповещение друг друга. Транснациональные вызовы, такие, как атипичная пневмония и смог от лесных пожаров в Индонезии привели к возникновению серьезного беспокойства в соседних странах и в плане экономики, и в сфере здоровья людей. Проблемы создают также наркотрафик и торгов-

ля людьми. Призыв Таиланда заменить политику «конструктивной вовлеченности», которая сама по себе уходит корнями в принцип невмешательства, политикой «гибкой вовлеченности», предусматривающей более высокую степень вмешательства, не нашел понимания в странах-членах. А неспособность АСЕАН вовремя отреагировать на действия сепаратистов Восточного Тимора подорвала доверие к способности Ассоциации обеспечивать «региональные решения региональных проблем».

И хотя страны-члены Ассоциации по-прежнему не могут прийти к согласию по вопросу о невмешательстве, некоторые признаки готовности принять менее догматические толкования принципа начали пробивать себе дорогу. Ряд событий свидетельствует о коррекции в АСЕАН, пусть и не в больших масштабах, принципа невмешательства. Именно так интерпретируются дипломатические усилия, предпринятые для разрешения затянувшегося конфликта в Камбодже, учреждение институциональных механизмов для разрешения проблемы смога, принятие механизмов регионального надзора и раннего оповещения для предотвращения кризисов и т.д.

Новые вызовы, с которыми сталкиваются страны региона, делают очевидной необходимость отхода от «метода АСЕАН», базирующегося на организационном минимализме, предпочтении неформального подхода и пр. Модели «мягкого регионализма» бросают вызов такие соглашения, как Договор о ЮВА - зоне свободной от ядерного оружия, договор о зоне свободной торговли АСЕАН, План действий по борьбе со смогом и т.д.

Региональная кооперация в ЮВА была по существу государственным проектом, продвигаемым элитами. Участие гражданского общества в нем было минимальным. Однако транснациональные и нетрадиционные проблемы и необходимость их решать создали возможность для проведения неправительственными организациями кампаний по защите окружающей среды, прав человека, по привлечению внимания к вопросам бедности и социальной справедливости на региональном уровне. Возросшая политическая открытость в странах АСЕАН привела к усилению акторов гражданского общества в региональной и международной повестках дня. Более того, пункт о государственной безопасности стал включать в себя элементы «человеческой безопасности», что делает возможным более тесную вовлеченность НПО в региональное сотрудничество – сферу, традиционно закрепленную за правительствами.

Воздействие терроризма на региональные процессы противоречиво. С одной стороны, были заключены пакты о мерах противодействия терроризму как внутри Ассоциации, так и между АСЕАН и США. Вместе с тем, в рамках Ассоциации присутствует и противодействие дальнейшей кооперации, поскольку между странами-членами нет согласия по поводу серьез-

ности террористической угрозы. Приведут ли к заметным изменениям в подходе стран ЮВА к суверенитету те тенденции, которые наблюдаются в регионе, пока неясно. Большинство ученых относит их к «квази-суверенным», или «нео-вестфальским» государствам. В данном случае имеется в виду, что они не сумели:

- «ни достичь сплоченности в пределах своих границ»;
- «ни реагировать рационально на проблемы, появившиеся в связи с глобализацией, на угрозы безопасности»¹⁰.

Очевидно, тем не менее, что без углубленного взаимопроникновения в дела друг друга адекватно реагировать на вызовы современности им не удастся. Но это не значит, что такое вмешательство автоматически повлечет за собой эрозию или угрозу суверенитету этих стран. Растущая либерализация, если рассматривать ее с точки зрения «нормализующей» необходимости, может привести к укреплению суверенитета, по мере того, как государства ЮВА становятся более зрелыми и от стадии развивающихся «квази-государств» переходят к стадии «нормально» развитых.

С этой точки зрения институциональное значение и польза образования АСЕАН состоит в формальном признании принципа суверенитета, который Ассоциация обеспечивает своим членам, а также в гарантиях, которые члены АСЕАН получают путем признания суверенного права на существование. Тот факт, что старые члены АСЕАН испытали значительный подъем уровня экономического и социального развития, а также политической консолидации с момента образования, означает, по сути, схему государственной эволюции, которая, в свою очередь, может укрепить или углубить государственный суверенитет.

Довольно заметному испытанию на прочность подвергся в последнее время основной принцип АСЕАН – невмешательство во внутренние дела. События в Мьянме требовали реакции, по сути, нарушающей этот принцип. Тем не менее, страны-члены АСЕАН, хотя и проявляли негативное отношение к военному режиму этой страны, не пошли на принятие каких-либо санкций. Они последовали точке зрения премьер-министра Малайзии Абдуллы Ахмада Бадави, который утверждал, что принцип невмешательства – «это наш последний бастион защиты государства, особенно в эпоху глобализации и модернизации»¹¹.

Как и многие другие явления, порожденные глобализацией, новые тенденции в институциональном развитии региона поднимают вопросы об эксклюзивности и территориальности как стержневых основах суверенитета. Учитывая растущие трудности их сохранения, кажется вполне вероятным, что суверенитет в региональном контексте может приобрести новую форму – приобрести относительно более инклюзивную и/или виртуальную форму.

■ Международные отношения

Суверенитет никогда не бывал полностью фиксированным или сформированным, он всегда подвергался оспариванию.

Многое из того, что составляло суть международных отношений в ЮВА во времена «холодной войны», не могло уместиться в границах концепции национального суверенитета. И современные тенденции в регионе угрожают разрушить ее привычное восприятие. Как это произойдет, покажет будущее. До сих пор границы суверенитета оказывались вполне эластичными, поэтому маловероятно, что с суверенитетом как концепцией или практикой будет полностью покончено. На саммите 2003 г. лидеры стран ЮВА приняли «Видение АСЕАН 2020 г.», сформулировав его как «концерт государств Юго-Восточной Азии, открытых, живущих в мире, стабильности и процветании, тесно связанных друг с другом в динамичном развитии и сообществе государств, заботящихся о благе своих народов»¹².

«Метод АСЕАН» имеет все шансы стать в XXI в. методом создания жизнеспособной структуры международных отношений, построения в регионе ЮВА стабильного международного порядка, следуя принципам:

- отказа от войны и применения насилия;
- включения в общественную жизнь ценностей толерантности и уважения к различиям;
- последовательной реализации политики мирного сосуществования разных народов с многолетним опытом общего решения проблем.

Во многих не вестфальских странах, где до колонизации власть измерялась количеством людей, контролируемых из одного конкретного центра, ключевым компонентом правления была идеология. Легитимность определялась традиционными способами управления, такими, как участие в религиозных событиях или приверженность конкретным идеологиям, а также логикой этнических или родовых отношений. Принятие вестфальских моделей светского управления нарушило формы традиционной организации власти, но не уничтожило ее полностью. Постколониальные правительства оставили этот механизм управления, что позволяло, с одной стороны, избежать полного слияния с западными ценностями, а с другой стороны, оставаться полноправными членами международного сообщества и пользоваться предоставляемыми ими благами - гуманитарной помощью и глобальными торговыми сетями.

В незападных странах взгляды на суверенитет, принятые в международном сообществе, передаются через вестфальские концепции, унаследованные с колониальных времен и внедренные через западное образование и западные идеологии, которые легитимируют власть в восточноазиатских государствах. Концепция суверенитета, унаследованная от Вестфалия, таким

образом, продолжала играть в ЮВА значимую роль. Но не менее значимой была и идеология в незападных теориях управления и, соответственно, в незападных подходах к суверенитету. В западной политической философии, например, предполагается, что статус и престиж не будет значимым, если он не включает демонстрацию военной силы или экономического контроля, в то время как в реальности идеология так же важна, если еще не важнее. Не исключается, что в XXI в. суверенитет будет восприниматься как власть не столько над территориями, сколько над людьми, и что создать основу для чувства идентичности или верховной власти, которая будет пересекать национальные границы и превосходить гражданскую принадлежность, сможет религия.

В конце XX в. С. Хантингтон предсказывал: «Мы становимся свидетелями “конца прогрессивной эры”, когда доминировала западная идеология, и вступаем в эру, в которой многочисленные и разнообразные цивилизации будут взаимодействовать, конкурировать, сосуществовать и приспосабливаться друг к другу»¹³.

В первом десятилетии XXI в. «другие цивилизации, которые с точки зрения истории человечества и особенно истории первой половины XX века, отнюдь не чувствуют себя более «варварскими», чем цивилизации, ассоциирующиеся с Европой, полагают, что они тоже принимали участие в возведении здания наследия, содержащего мудрость всего человечества». Мы видим, как идет борьба между традицией и современностью и традиционные представления перекраиваются под воздействием других культур. Таким образом, задача глобального общества состоит в том, чтобы заново концептуализировать суверенитет так, чтобы охватить все многообразие воззрений на него, с тем, чтобы в нем нашла отражение политическая мысль, история и практический опыт всего человечества.

Bogdanova E. Concepts of sovereignty in non-Western states.

Summary: *This article analyzes international perspectives on sovereignty. The author examines the different meanings of the concept, that are not based in Western political philosophy with the aim to show that if we are to reach a universal understanding of a concept of sovereignty in the age of globalization, we need to know the views on sovereignty in various cultures. To this end the author explores South-East Asian approach to sovereignty. The general conclusion is: non-Western approaches to sovereignty are able to enrich our understanding of this concept, to make the Westphalia mould more flexible. The influence of non-Western political culture on the global approach to sovereignty should be considered to achieve mutual understanding in our efforts to find global solutions to global issues.*

Ключевые слова

суверенитет, вестфальский, цивилизации, колониализм, АСЕАН, регионализм, глобальный.

Keywords

sovereignty, Westphalian, civilizations, colonialism, ASEAN, regionalism, global.

Примечания

1. С. Хангтингтон. Столкновение цивилизаций Часть 1. Глава 1. Введение.
2. Ф. Бродель Грамматика цивилизаций. Изд-во «Весь мир» 2008, стр. 263
3. АСЕАН в начале XXI века. Коллектив авторов, 2010 ИД «Форум», стр.6.
4. см. доклад, представленный на VIII ежегодной сессии Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций» (7-11 октября 2010 г.).
5. Там же, стр. 357
6. John L.S. Girling (1969) People's War: The Conditions and the Consequences in China and in South East Asia (London: George Allen and Unwin), 19.
7. Michael Leifer (1999) 'The ASEAN Peace Process: A Category Mistake', The Pacific Review 12(1), 25–38 at 27.
8. David Martin Jones and Michael L.R. Smith (2002) 'ASEAN's Imitation Community', Orbis 46, 93–109; and Nicholas Khoo (2004) 'Deconstructing the ASEAN Security Community: A Review Essay', International Relations of the Asia-Pacific 4, 35–46.
9. Amitav Acharya 'Institutional Change in Asia Pacific Regionalism: Sources and Directions', seminar at the Asia-Pacific Policy Program, Center of Business and Government, John F. Kennedy School of Government, Harvard University.
10. Chong, "Southeast Asia"
11. The 2006 ASEAN Lecture by Abdullah Ahmad Badawi, PM of Malaysia on the Occasion of the 39th ASEAN Anniversary. Kuala-Lumpur, August 8, 2006. <http://www.aseansec.org>
12. <http://www.aseansec.org>
13. С. Хангтингтон Столкновение цивилизаций. Часть вторая. Смещающийся баланс цивилизаций Глава 4. Упадок Запада: могущество, культура и индигенизация
14. Т. де Монбриаль Действие и система мира Изд-во РОССПЭН 2005, стр. 440